

Гудок
г. Москва
29 янв. 1980

120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА

Талант любви к человеку

Однажды мы разговорились с Сергеем Федоровичем Бондарчуком о Чехове, и он вдруг точно и коротко, будто думал об этом всю жизнь, сказал:

— Чехов?.. Чехов — родной мне человек!

И замолчал. Надолго. Даже до неловкости. Надолго. Чего, мол, об этом много говорить? Все сказано...

Действительно, я не раз замечал за Бондарчуком такую особенность — в короткую фразу он вкладывает такой подтекст, такое интонационное богатство, такие чувства, что, кажется, каждое слово его обречено какой-то особой блеск, емкость. И всегда в этом был «расчет» на понимание его собеседником. Есть это понимание, значит, и возникнет тонкий душевный контакт, а через него — и взаимопонимание; нет — значит, разговор на этом и закончится, не пойдет дальше. Сколько раз слышал я от разных журналистов, привыкших брать интервью «с лету», по принципу «вопрос — ответ, вопрос — ответ, перерыв на обед», что, мол, Бондарчук — человек малоразговорчивый, малообщительный, ответит «да» — «нет», а потом совсем замкнется — вот и весь разговор!

А между тем человека более доброжелательного и скромного, удивительно деликатного, душевно тонкого и благородного, взыскательного прежде всего к себе (и отсюда, естественно, к другим, с кем он работает), я, пожалуй, не встречал. И вот, когда он сказал, что Чехов — родной ему человек, мне это показалось удивительно точным. Действительно, есть между ними тончайшее внутреннее родство — и в человеческом, и в творческом плане.

Вот, например, хорошо знавшая Антона Павловича писательница Т. Щепкина-Куперник однажды заметила, что Чехов «любил музыку молчаливо, но сильно». И в этом отражалось редкое душевное целомудрие Чехова, присущая его натуре благородная сдержанность в выражении самых глубоких чувств.

И это же свойственно Бондарчуку, даже один день жизни которого я не представляю себе без звучащей в записи музыки, без любимого Чеховым Чайковского («Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич...» — признавался писатель), без Моцарта, Гайдна, Баха, Пуччини...

— Антон Павлович ведь мой земляк, — говорит Бондарчук. — Он родился в Таганроге, а я — из тех же мест...

Да, сегодня и в Ростове, и в Таганроге, и в Ейске люди называют Бондарчука своим земляком. И хотя родился он в селе Белоозерке, недалеко от Херсона, но именно с приазовской степью, с чеховским Таганрогом, где он провел первые школьные годы, связано у Бондарчука второе — артистическое, художественное — рождение.

Таково уж свойство человека, что, отдавая себя без остатка сегодняшнему дню, даже думая о будущем, мы все время возвращаемся в детство.

— Двадцать лет я шел к экранизации чеховской «Степи», — рассказывает Сергей Федорович. — Двадцать лет, не считая ранних, детских, юношеских, а потом и взрослых дум об этой удивительной и загадочной по-

вести о родных мне местах, о поэтической стихии, разлитой в музыку ее словесной, живописной ткани. Недаром великий Репин назвал чеховскую «Степь» — сюитой! Какое в ней тончайшее лирическое чувство пробуждения! Пробуждение в юной, хрупкой человеческой душе высокой догадки о неизведанной красоте окружающего мира, о большой жизни, идущей вокруг... Двадцать лет я шел к этой своей мечте — найти на экране, в живописном строе, в музыке, в игре актеров, тонко чувствующих поэзию жизни, эквивалентные чеховской музыке слова. И при этом ни в чем не отступать от Чехова, следовать за ним, постараться возвыситься до него! Ох, и трудная это задача!

Я часто думаю, как легко, без душевных мучений берется иной режиссер за экранизацию классики. То он ставит «Женитьбу» Гоголя, то «Вишневый сад» Чехова, то «Бориса Годунова» Пушкина, то «Мартина Идена» Джека Лондона, то «Острова в океане» Хемингуэя... И все — приблизительно. Все — «по мотивам». Когда на первом месте стоит «Я и Гоголь», «Я и Чехов», «Я и Пушкин»... Это — поразительно! И понятно, почему его «я» стоит всегда на первом месте: ему же некогда даже подумать, постичь, проникнуться гениальным духом писателя-классика... Я так не умею. Да и не хочу.

Для меня, например, Чехов — святыня. Помню, во время просмотра на студии отснятого и уже частично озвученного материала фильма «Степь» кто-то, встревоженный, подошел ко мне, что, мол, надо было бы кое-что поправить в тексте в соответствии «с духом времени». Я отказался: так написано у Чехова, и автор сценария — он, а не я. Я лишь переписал его слова. И слова из песни не выкинешь, не испортишь ее! Так и осталось. Да, у Чехова, этого удивительнейшего лирика, есть и глубочайший психологизм, и стремление к раскритично противоречий русской действительности того времени, и острота ощущения трагического, и страстная сила жизнеутверждения.

Вот об этом мы и снимали нашу картину. Я рад, что и талантливый композитор Вячеслав Овчинников, с которым мы сотрудничаем немало лет (он написал грандиозную музыку к эпопее «Война и мир», к фильму «Они сражались за Родину»), и оператор Леонид Калашиников, и прекрасный актерский ансамбль были здесь моими верными единомышленниками, сумевшими понять и постичь философскую емкость и полифонию чувств, выраженных в повести...

Трагическое, в понимании Чехова, — это всегда конфликт человека (и конфликт самой природы) с силами, унижающими достоинство, искажающими его

добрую натуру, стоящими на пути к полной творческой жизни, конфликт с окружающей средой, обществом. Никто не понимал так ясно и тонко трагизм мелочей жизни, как Чехов, утверждал М. Горький. И в этом смысле Антон Павлович действительно был писателем остро социальным, беспощадным в обличении «свинцовых мерзостей жизни», пошлости, в какие бы пестроцветные одежды она ни рядилась. И тогда куда девалась его знаменитая деликатность! Он становился настолько нетерпимым к такого рода явлениям, что тем самым повергал в изумление даже близко знавших его людей. Так, на глазах известного актера Южина Чехов однажды с такой резкостью и возмущением, с такой яростью отчитал одного любителя словесных банальностей, что Южин даже растерялся. Да, когда речь шла о творчестве, чеховские суждения были неллицеприятны и суровы. И в то же время — какая щедрость души, какая удивительная доброжелательность ко всему истинно талантливому!

Мне кажется, тот же М. Горький наиболее точно выразил существо Чехова, сказав, что он — талант трагический и нежный!

Жизнь его не была бурной, он не испытал таких грозных ударов судьбы, как, допустим, его великие современники Лев Толстой или Федор Достоевский. Его не «отлучали», не ссылали на каторгу. Но, думается, еще не до конца прояснена загадка его сахалинской эпопеи. Он словно бы «приговаривает» сам себя к испытаниям, выпавшим на долю передовой художественной интеллигенции России, — в его многотрудной поездке на Сахалин мне видится, например, мотив знаменитых «уходов» Льва Толстого, вплоть до последнего яснополянского «ухода».

Какая же грандиозная, трагическая и светлая музыка звучит в его душе, полная жизнеутверждения, пробивающаяся даже в его «мрачных» произведениях! Музыка, созвучная, быть может, Чайковскому: недаром он так любил этого величайшего русского композитора! Читаешь и перечитываешь его произведения, и кажется, что они написаны для чтения вслух, настолько насыщены они звуковыми образами, настолько музыкально его слово. Можно сказать, что они — своеобразные музыкальные композиции, переданные в слове с художественным совершенством.

Известная артистка МХАТа М. Лилина, одна из лучших исполнительниц женских ролей в чеховских пьесах, однажды написала ему: «Сегодня, гуляя, я услышала осенний шум деревьев, вспомнила «Чайку», потом «Вишневый сад», и почему-то мне представилось, что «Вишневый сад» не пьеса, а музыкальное произведение, симфония.

И играть эту пьесу надо особенно правдиво, но без реальных грубостей».

Я понимаю, почему Чехов, как и Пушкин, как и Толстой, так труден для перевода на другие языки — у него каждая фраза музыкальна, основана на мелодике и полифонии русской речи. Здесь и слова выбросить или переставить нельзя — может все порушиться. Музыка его слова живет в тесной соединенности, в слитности с миром природы, с внутренним миром человека. Перечитайте его рассказ «На пути», где великолепно написана звуковая картина ночной метели, словно сливающаяся с трудной судьбой его героя Лихарева. Или — как мелодия скрипки позволяет нам почувствовать скрытые от глаз, настоящие человеческие чувства гробовщика Якова Бронзы в рассказе «Скрипка Ротшильда». Или — как в повести «Моя жизнь», чтобы подчеркнуть, наоборот, бездуховность Маши Должиковой, писатель заставляет ее исполнять один из прогнивших романсов Чайковского «Ночь», который чудодей.

Словом, чеховская музыкальность слова, скрытый симфонизм его произведений — это особая, интереснейшая тема, позволяющая открыть нам и сущность его новаторства, и одну из важных причин, почему его повести, рассказы, пьесы обладают удивительной притягательностью и сегодня. Композитор Борис Асафьев писал по этому поводу: «Трудно представить без Чайковского «Трех сестер» и «Вишневый сад», ряд чеховских новелл («Дом с мезонином» и даже «Степь»)».

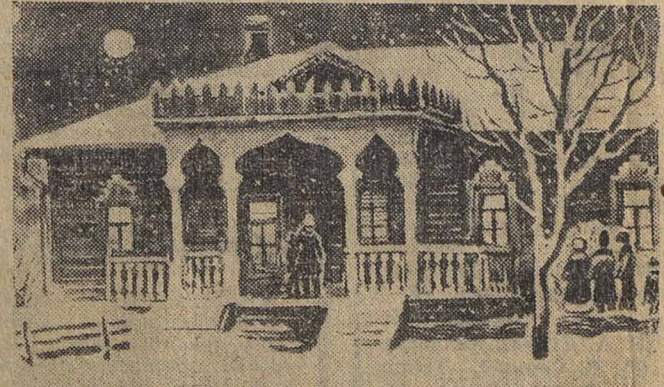
И все же «Степь» — это, пожалуй, самое совершенное в музыкальном отношении и уникальное произведение во всей нашей, да и, наверное, мировой литературе. Второго такого не знаю. Это — настоящая симфоническая поэма! Когда мы снимали фильм, нам очень хотелось, чтобы степь ожила, задышала, запела. И мы нашли прекрасную песню, она как бы выросла из чеховского текста: «Горе мне, зеленой травушке, стала я сухая, серая, полумертвая и ломкая, нет во мне ни капли кровушки...». И как же я огорчился однажды, когда за рубежом вдруг увидел, что при дубляже «забыли» дать перевод этой песни в субтитрах! Ведь песня эта — не прихоть наша, она важна для понимания философии произведения!..

...Сергей Федорович замолчал, переживая в воспоминаниях те минуты сердечных огорчений. А мне подумалось: какая же высокая требовательность у этого большого художника!..

...Сергей Федорович мечтает о Чехове вновь...

— Вот, — говорит, — со студентами ВГИКа поставили мы чеховскую пьесу «Вишневый сад». В общем, получилось интересно, свежо. Но ребята, окончив институт, разъехались по студиям, по театрам, и спектакля нет. А если бы сняли в кино? Может быть, удалось бы прочитать Чехова так, как он написал, а?.. Есть в этой пьесе — самой прекрасной у Чехова — какой-то свой «секрет», который еще не раскрыт. Мне кажется, я его чувствую: ведь Чехов — родной мне человек!.. Не знаю — сниму ли когда-нибудь? Но — мечтаю... Мечтаю. Какой уж год!..

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

МЕЛИХОВО: дом А. П. Чехова; памятник А. П. Чехову. Рис. А. Михайлова.

ВЕЛИКОМУ ПИСАТЕЛЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЯЛТА (Крымская область), 28. Жители и гости городского курорта, в котором долгое время жил А. П. Чехов, торжественно отмечают 120-летие со дня рождения великого русского писателя. Сегодня в городском театре состоялся литературный вечер «Наш Чехов», на котором присутствовали участники традиционного всесоюзного семинара драматургов. К памятнику писателю были воз-

ложены цветы.

С Ялтой связаны многие страницы жизни и творчества гениального художника слова. Здесь он создал произведения, среди которых «Дама с собачкой», «Три сестры», «Вишневый сад». В историю русской культуры вошли крымские встречи Чехова с Л. Толстым, Горьким, Левитаном, другими выдающимися деятелями литературы и искусства. (ТАСС).

